

Уильям ТЕНН

Фантастический рассказ

Фраустом прозвал меня Рикардо, а что это значит, я сам толком не знаю.

Так вот, сижу я, значит, в своей крохотной конторке — шесть футов на девять. Читаю объявления о распродаже списанного госимущества. Пытаюсь смекнуть, на чем можно заработать доллары, а на чем — головную боль.

Тут дверь конторы отворяется. И этот мозгляк с грязным лицом, одетый в запачканный летний костюм, заходит в мою контору и, откашлявшись, предлагает:

— Двадцать долларов за пять не купите?

— Что-о? — спросил я, вытаращив на него глаза.

Он переступил с ноги на ногу и опять откашлялся.

— Двадцать, — пробормотал он. — Двадцать за пять.

Под моим взглядом он потупился и уставился на свои ботинки. Это были отвратительные, грязные ботинки — такие же отвратительные и грязные, как и все, что было на нем.

— Я плачу вам двадцать долларов, — объяснял он носкам своих ботинок. — И покупаю за них пять. Вам идет двадцатка, мне — пятерка.

— Как ты попал сюда?

— Взял да и вошел, — ответил он, немного смешавшись.

— Ты просто взял да вошел, — злобно передразнил я его. — А теперь ты просто спустишься вниз и пойдешь отсюда к чертовой матери. В вестибюле ясно написано: НИЩИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

— Я ничего не прошу, — он одернул пиджак. Казалось, что парень пытается разглядеть складки смятой ночной пижамы.

— Я предлагаю сделку. Двадцатку за пятерку. Я вам...

— Хочешь, чтобы я вызвал полицию?

Он явно срейфил.

— Нет. Зачем вызывать полицию? Я вам ничего не сделал!

— Через секунду я вызываю полицию. Я тебя честно предупреждаю. Мне стоит только позвонить вниз, в вестибюль, и сюда тотчас пришлют полицейского. Здесь нищие ни к чему. Здесь занимаются бизнесом.

Он протер ладонью по лицу, и ладонь стала грязной; он вытер ее о лацкан.

— Значит, не хотите? — сказал он. — Двадцать за пять. Ведь вы же занимаетесь куплей-продажей. Что же вам не подходит?

Я поднял телефонную трубку.

— Ладно, — остановил он меня, вытянув вперед грязную пятерню. — Я уйду.

— Так-то оно лучше. И дверь за собой закрой.

— Если вы передумаете, — он запустил руку в карман своих грязных, мятых брюк и достал визитную карточку, — вы можете найти меня здесь. Почти в любое время.

— Убирайся вон! — сказал я ему.

Он протянул руку, бросил карточку на стол, на кучу объявлений о распродаже госимущества, раза два кашлянул, взглянул на меня — не клюнул ли я все-таки. Нет? Нет. Он устало вышел.

Ногтями указательного и большого пальцев я взял визитную карточку и собрался было бросить ее в корзину.

Но потом передумал. Визитная карточка. Все-таки чертовски необычно — такая рвань и с карточкой. Но карточка — вот она.

Если разобраться, вся сцена была необычна. Я даже начал жалеть, что выгнал его, не дав высказаться до конца. Он ведь и правда ничего не сделал — выдумал новый рекламный трюк, да и только. Я всегда рад новым рекламным трюкам. Я расширяю свою маленькую контору, я покупаю и продаю, но половина моих товаров — хорошие идеи. Идеи я готов позаимствовать даже у нищего.

Карточка была чистая, белая — только от пальцев остались

коричневые пятна. Через всю карточку каллиграфическим почерком было написано: мистер Ого Эксар. Ниже стояли название и номер телефона гостиницы на площади Таймс-сквер, расположенной неподалеку от моей конторы. Я знал эту гостиницу — не слишком дорогая, но и не ночлежка, так, что-то среднее.

В углу карточки стоял номер комнаты. Это меня вдруг развеселило. Совершенно непонятно!

Но, с другой стороны, почему бы попрошайке не зарегистрироваться в гостинице? «Не будь снобом, Берни», — сказал я себе.

Двадцать за пять. В чем тут фокус? Я не мог отвязаться от этой мысли.

Оставалось только одно. Спросить у кого-нибудь. Рикардо? Как-никак крупный профессор в колледже. Одно из лучших моих знакомств.

Он немало помогал мне — намекнул о решении строить новое здание колледжа, и я заработал на этом полторы тысячи долларов; сообщил о распродаже конторского оборудования в ООН и т. д. Как только у меня возникал вопрос, требовавший университетского образования, он всегда выручал меня. И все это за какие-нибудь две сотни комиссионных, которые он получил от меня.

Я взглянул на часы. Рикардо должен быть сейчас у себя в колледже — проверяет контрольные или чем там он еще занимается. Я набрал его номер.

— Ого Эксар? — переспросил он. — Наверное, финн. А может быть, эстонец. Скорее всего из Восточной Прибалтики.

— Не в этом дело, — сказал я. — Меня вот что интересует.

И я рассказал ему о предложении купить двадцать долларов за пять.

Он рассмеялся.

— Опять то же самое!

— Какой-нибудь древний трюк, из тех, что греки выкидывали с египтянами?

— Нет. Из тех, что выкидывали американцы. И это не совсем трюк. Во время кризиса одна нью-йоркская газета послала своего корреспондента по городу с двадцатидолларовой банкнотой, которую он продавал за один доллар. Охотников купить не нашлось. Их не нашлось даже среди безработных, полуголодных — из страха оказаться в дураках они отказывались от барыша в 1900 процентов.

— Двадцать за один? Тут было двадцать за пять.

— Ну, сам знаешь, Берни, инфляция, — сказал он, снова рассмеявшись. — А в наши дни это скорее напоминает какое-то телевизионное представление.

— Телевизионное? Поглядели бы вы, как этот парень одет!

— Просто добавочный и вполне логичный штрих — большое шансов, что люди не примут это предложение всерьез. Несколько лет назад группа социологов исследовала реакцию населения на уличные благотворительные шествия. Ты знаешь этих людей, гремящих на перекрестках копилками: ПОМОГИТЕ ДВУГЛАВЫМ ДЕТЯМ! ПОЖЕРТВУЙТЕ ПОСТРАДАВШИМ ОТ НАВОДНЕНИЯ В АТЛАНТИДЕ! Вот они и нарядили для этого нескольких студентов...

— Вы думаете, парень был из этих, а?

— Полагаю, что так. Вот только зачем он оставил свою визитную карточку?

И вдруг меня осенила догадка.

— Вы знаете, а я понял. Если это телевизионная затея, то здесь замешана куча других вещей. Телевизорина с призами — машины, холодильники, замок в Шотландии и прочее.

— Телевизионная викторина? Что же, возможно.

Уж я-то не окажусь дураком! Я повесил трубку, глубоко вздохнул и набрал номер гостиницы, где жил Эксар. Он действительно был там зарегистрирован. И как раз вернулся.

Я быстро спустился вниз и сел в такси. Кто знает, с кем он еще успел связаться?

Поднимаясь в лифте, я все еще размышлял. Как от двадцати долларов перейти к действительно крупной игре, затеянной телевидением, и не дать Эксару понять, что я раскусил, в чем тут дело? Что же, возможно, мне повезет. Может быть, мне выпадет счастье.

Я постучал в дверь. Когда он сказал «пожалуйста», я вошел. Одну-две секунды я ничего не видел.

Номер был маленький, как и все номера в этой гостинице, маленький и душный. Он не включил свет, ни одной лампочки. Окна были донизу заштерены.

Когда мои глаза привыкли к темноте, я наконец смог разглядеть этого молодчика. Он сидел на кровати лицом ко мне. На нем все еще был этот идиотский летний костюм.

И знаете, чем он занимался? Он смотрел забавный маленький транзисторный телевизор, стоявший на письменном столе. Цветной телевизор. Только работал он неважно. На экране не было ни лиц, ни картинок, а только разноцветные сполохи по всему экрану. Громадная красная вспышка, громадная оранжевая вспышка, дрожащие переходы между голубым, зеленым, черным. Из телевизора доносился голос, разобрать слова было невозможно: «Вах-вах, девах, де-вах».

Как только я вошел, он сразу выключил телевизор.

— Таймс-сквер — плохое соседство для телевизора, — сказал я. — Слишком много помех.

— Да, — сказал он. — Слишком много помех.

Он закрыл телевизор крышкой и убрал его. Хотелось бы посмотреть на этот телевизор, когда он работает как следует.

Странно, а? В комнате вопреки моему ожиданию не стоял запах дрянного ликера, и в задвинутой под письменный стол мусорной корзине не валялись пустые бутылки, как это бывает обычно в таких номерах. Ничего такого.

Единственный запах, который я почувствовал, был совершенно мне незнаком. Я думаю, это был запах самого Эксара.

— Хм, — промычал я, чувствуя себя неловко из-за давешнего разговора в конторе. Слишком груб я был тогда. А он спокойно сидел на кровати.

— У меня двадцать долларов, — сказал он. — Вы принесли пять?

— Я думаю, найдутся, — сказал я, роясь в бумажнике и стараясь обернуть дело шуткой. Он не проронил ни слова, даже не пригласил меня сесть. Я вытащил банкнот.

— О'кэй?

Он наклонился вперед и уставился на него, будто в такой темноте можно было увидеть, что это за банкнот.

— О'кэй, — сказал он. — Но мне нужна расписка. Заверенная расписка.

«Вот это да, — подумал я, — заверенная расписка!» И сказал:

— Тогда пойдёмте. Аптека на Сорок пятой улице.

— Пойдёмте, — сказал он, поднимаясь и коротко откашливаясь — раз, два, три, четыре — почти беспрерывно.

По дороге в аптеку я остановился возле лавки с канцелярскими товарами, купил книжку с бланками расписок и тут же

Рисунки Б. ДОЛЯ

заполнил одну из них: Нью-Йорк, дата, «от мистера Ого Эксара под номером...»

— О'кэй? — спросил я его. — Я поставил здесь номер и серию банкноты, чтобы казалось, будто вам нужна именно она.

Он повернулся ко мне и прочел расписку. Затем сверил номер с банкнотом, который я держал в руках. Он кивнул.

Мы подождали аптекаря, который в это время отпускал товар. Когда я подписал расписку, аптекарь прочел ее про себя, пожал плечами и поставил свою печать.

Я заплатил ему четверть доллара. В барыше был я.

Эксар бросил на прилавок новенькую, хрустящую двадцатку. Он наблюдал, как я рассматривал ее на свет с одной и другой стороны.

— Не фальшивая? — спросил он.

— Нет... Но поймите, я не знаю вас, я не знаю ваших денег.

— Правильно. Я бы и сам так сделал.

Он сунул расписку и пять долларов в карман и направился к выходу.

— Эй, — крикнул я. — Вы спешите?

— Нет, — он остановился и удивленно посмотрел на меня. — Не спешу. Но вы получили двадцать за пять. Дело сделано. Все.

— Все в порядке, дело сделано. Не выпить ли нам по чашке кофе?

Он заколебался.

— Плачу я, — сказал я ему. — Давайте выпьем по чашечке.

Он забеспокоился.

— А вы не захотите расторгнуть сделку? У меня расписка. Все заверено. Я дал вам двадцать долларов, а вы мне — пять. Дело сделано.

— Сделано, сделано, — говорил я, подталкивая его к свободному столику. — Все замечано, все шито-крыто. И назад хода нету. Просто я хочу угостить вас кофе.

Несмотря на слой грязи, покрывающий его лицо, я увидел, что оно прояснилось.

— Не надо кофе. Я бы съел грибной суп.

— Прекрасно, прекрасно. Суп, кофе — все равно. Я выпью кофе.

Я сел напротив и изучал его. Он сгорбился над тарелкой и то-ропливо отправлял в рот ложку за ложкой — живой пример шалопая, у которого за весь день маковой росинки во рту не побывало.

Такой тип должен валяться пьяный в дверях, пытаюсь отбиться от полицейской дубинки. И место ему в кабаке, а не в приличной гостинице, и не подобает ему продавать мне двадцать долларов за пять и есть как порядочному грибной суп.

Но так и должно быть. Для телепередачи, которую они затеяли, это чертовски подходящий актер, лучше ни за какие деньги не найдешь, только зря доллары выбросишь. Парень так здорово играет попрошайку, что люди смеются ему в лицо, когда он пытается навязать им прибыльное дельце.

— Может быть, вы купите еще что-нибудь? — спросил я его. Он не донес ложку до рта и подозрительно посмотрел на меня.

— Например?

— Ну не знаю. Может быть, приобретете десять долларов за пятьдесят? Или двадцать за сто?

Он задумался, этот парень. Потом снова набросился на суп.

— Это не дело! — бросил он презрительно. — Разве это дело?

— Простите, пожалуйста, простите. Я на всякий случай спросил. Я вовсе не хочу на вас заработать, — я закурил сигарету и замолчал.

Мой приятель оторвал свою грязную физиономию от супа и потянулся за бумажной салфеткой. Он вытер губы.

— Хотите купить еще что-нибудь? Пока я здесь и располагаю временем. Если у вас имеются какие-нибудь предложения, мы можем все сейчас оформить.

Он скомкал бумажную салфетку и бросил ее в тарелку. Салфетка намочилась: он выловил все грибы, а суп оставил.

— Мост Золотых Ворот, — внезапно предложил он.

Я выронил сигарету:

— Что?

— Мост Золотых Ворот. В Сан-Франциско. Я плачу за него... — он задумчиво уставился в потолок. — Скажем, сто двадцать пять долларов ч. Сто двадцать пять долларов. Деньги на бочку.

— А почему именно Мост Золотых Ворот? — как идиот, переспросил я.

— Потому что он мне нужен. Вы спросили меня, что я хочу купить еще, и я отвечаю: Мост Золотых Ворот.

— А почему бы не Мост Джорджа Вашингтона? Он здесь, в Нью-Йорке, на реке Гудзон. Зачем покупать мост на западе?

Он усмехнулся, словно отдавая дань моей хитрости.

— Нет, — сказал он, дергая левым плечом. — Я знаю, что хочу. Мост Золотых Ворот в Сан-Франциско. Хотите — продавайте, хотите — нет.

— Я согласен. Пусть будет по-вашему — уступаю. Но учтите — я могу вам продать только свою часть Золотых Ворот — только то, что принадлежит мне.

Он кивнул.

— Мне нужна расписка. Напишите расписку.

Я написал расписку. Все по новой. Аптекарь заверил расписку, сунул печать в ящик прилавка и отвернулся. Эксар отсчитал шесть двадцаток и одну пятерку из здоровенной пачки банкнотов, которые хрустели, как накрахмаленные. Сунув пачку в карман брюк, он вновь направился к выходу.

— Может быть, еще кофе? — спросил я его. — Или добавьте супа?

Он озадаченно поглядел на меня и, казалось, дернулся всем телом.

— С какой стати? Вы что-нибудь еще хотите продать?

Я пожал плечами.

— Вы что-нибудь еще хотите купить? Скажите. И мы еще что-нибудь обстрягаем.

Это все отнимало время, но я не жалел. Я сделал сто сорок долларов за пятнадцать минут. Вернее, около ста тридцати восьми — сколько-то я уплатил аптекарю и еще за кофе и суп, впрочем, это необходимые траты, так положено. Я не жалел.

Может, однако, теперь подождать, что у них дальше по сценарию? Они спросят, что я держал в уме, когда продавал Эксару все эти сапоги всмятку, я объясню, и на меня посыплются призы: и холодильники, и ювелирные изделия лучшей фирмы, и...

Пока я витал в облаках, Эксар сказал что-то. Что-то совсем незнакомое. Я попросил повторить.

— Азовское море, — повторил он. — В России. Я плачу за него триста восемьдесят долларов.

Я ничего не слышал о таком море. Я поджал губы и на секунду задумался. Кругленькая сумма — триста восемьдесят долларов. За какое-то там забытое море. Я попытался схитрить.

— Четыре сотни — и по рукам.

Он сильно закашлялся и выглядел в этот момент абсолютно ненормальным.

— В чем дело? — выдавил он из себя между приступами кашля. — Разве триста восемьдесят долларов — плохая цена? Это маленькое море, одно из самых маленьких. Всего четырнадцать тысяч квадратных миль. А знаете его максимальную глубину?

Я сделал умный вид.

— Уж никак не мельче других.

— Сорок девять футов! — закричал Эксар. — Всего сорок девять футов! Где вы получите больше за такое море?

— Спокойней, — сказал я, хлопывая его грязное плечо. — Давайте ни вашим, ни нашим. Вы говорите — триста восемьдесят, я прошу четыре сотни. Как насчет трехсот девяноста?

На самом деле мне было все равно: десять долларов больше, десять долларов меньше. Но мне было интересно, что будет дальше.

Он успокоился.

— Триста девяносто долларов за Азовское море, — пробормотал он, боясь, что я натягиваю ему нос. — Но мне нужно только море; ведь я не прошу в придачу Керченский пролив или, скажем, порт вроде Таганрога...

— Вот что я вам скажу, — я поднял руки. — Дайте мне триста девяносто, и я отдаю вам Керченский пролив бесплатно. Идет?

Он задумался. Он засопел. Он вытер нос тыльной стороной ладони.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Идет. Азовское море и Керченский пролив за триста девяносто долларов.

Бац! — шлепнулась печать аптекаря. Дело пошло на лад. Эксар дал мне шесть пятидесятидолларовых купюр — четыре двадцатки и десятку — все из той же пачки новеньких банкнотов, которую он держал в кармане брюк.

Я подумал о пятидесятидолларовых банкнотах, которые остались в пачке, и почувствовал, что у меня текут слюни.

— О'кэй, — сказал я. — Что дальше?

— Вы все еще продаете?

— По сходной цене, разумеется. Что вы хотите?

— Очень многое, — вздохнул он. — Но стоит ли заниматься сейчас этим? Вот я о чем думаю.

— Конечно, стоит, раз есть такая возможность. Позже — кто

знает? — меня может не быть рядом, найдутся другие люди, которые взвинтят цены. Что угодно может случиться. — Я сделал паузу, но он продолжал хмуриться и кашлять. — Как насчет Австралии? — предложил я. — Может быть, вы купите Австралию долларов, скажем, за пятьсот? Или Антарктиду? Антарктиду я уступаю по дешевке.

Он явно заинтересовался:

— Антарктиду? Сколько стоит? Нет, больше не буду покупать в розницу. Здесь кусочек, там кусочек. Получается слишком дорого.

— Вы, милый, покупаете по бросовым ценам.

— А если я куплю оптом? Сколько за все?

— Простите, не совсем понял, — покачал головой я. — Что оптом?

Он сгорал от нетерпения.

— Все. Весь мир. Землю.

— Ого, — сказал я. — Это много.

— Я устал покупать по кусочкам. Назначайте оптовую цену — я покупаю все сразу.

Я покачал головой — ни утвердительно, ни отрицательно, ни да, ни нет. В руки шли деньги, и большие. Но, пожалуй, вот тут-то я должен был рассмеяться ему в лицо и уйти. Однако я даже не улыбнулся.

— Я, конечно, назначу оптовую цену за всю планету. Но что это значит? Я хочу сказать, что, собственно, вы хотите купить?

— Землю, — сказал он, придвигаясь так близко, что до меня донеслось его дыхание. — Я хочу купить Землю. Целиком и полностью.

— Только хорошо заплатите. Продам все скопом.

— Я за ценой не постою. Ведь это настоящая сделка. Плачу две тысячи долларов. Я получаю Землю — всю планету — с правами на полезные ископаемые и клады. Идет?

— Вы получаете чертовски много.

— Я знаю, что много, — согласился он. — Но я и плачу много.

— За то, что спрашиваете, — не много. Дайте мне подумать.

Это была большая сделка, большой приз. Я не знал, сколько денег ему дали на телевидении, но был уверен, что две тысячи долларов — только начало. Но как назначить разумную цену за мир и не промахнуться?

Я не должен выгладеть на телевидении мелкой сошкой. Надо угадать высшую цену, названную Эксару режиссером.

— Вам действительно нужно все? — спросил я, поворачиваясь к нему. — Земля и Луна?

Он выставил вперед свою грязную пятерню.

— Не надо Луны. Только некоторые права на нее. Остальное можете оставить себе.

— Все равно это слишком много. За такую кучу недвижимости вам придется выложить больше двух тысяч.

Эксар поморщился и задергался всем телом.

— На сколько, на сколько больше?

— Ладно, давайте без дураков. Дело крупное! Мы ведь не толкуем больше о мостах, или реках, или морях. Вы покупаете

целый мир и часть другого в придачу. Здесь придется раскошелиться. Готовьте деньги.

— Сколько? — казалось, он так и ходит вверх и вниз внутри своего непотребного костюма. Люди оборачивались на нас. — Сколько? — прошептал он.

— Пятьдесят тысяч. И это еще чертовски дешево. Самн понимаете.

Эксар весь обмяк. Даже его глаза, казалось, запади глубже.

— Вы сумасшедший, — пробормотал он упавшим голосом. — Вы не в своем уме.

Он повернулся и пошел к двери с таким измученным видом, что мне стало ясно — я хватил через край. Он даже не оборачивался.

Я крепко ухватил полу его мерзкого пиджака.

— Послушайте, Эксар, — быстро проговорил я, пока он вырывался. — Я понимаю, что заломил больше, чем у вас есть. Но больше чем две тысячи вы дать можете. Я хочу получить столько, сколько могу получить. Иначе какого черта я бы стал тратить на вас время? И кто еще станет возиться с вами?

Мои слова остановили его. Он поднял голову и закивал. Потом обернулся ко мне, и я отпустил пиджак. Мы начали сначала!

— Хорошо. Вы уступаете мне, а я уступаю вам. Поднимем немного цену. Ваше последнее слово. На сколько больше вы можете дать?

Он поглядел вдаль и задумчиво облизал языком грязные губы. Его язык тоже был грязный. Правда! Какая-то грязь — то ли жир, то ли сажа — покрывала весь его язык.

— Как насчет, — спросил он чуть спустя, — как насчет двух с половиной тысяч? Больше не могу. У меня не остается ни цента. Он был из того же теста, что я, — умел мотать душу.

— Столкнемся на трех тысячах, — не уступал я. — Ну разве это много — три тысячи? Еще каких-то пятисот долларов. Подумайте, что вы получаете за это. Земля — целая планета, — и рыболовство, и полезные ископаемые, и клады, да и к тому же все богатства Луны. Ну как?

— Не могу. Просто не могу. Хочу, но не могу. — Он потрянул головой, словно стараясь избавиться от своих тиков и подергиваний. — Давайте так. Я даю вам две тысячи шестьсот. За это вы уступаете мне одну Землю, а на Луне только права на рыболовство и клады. Полезные ископаемые остаются вам. Я и без них обойдусь.

— Пусть будет две тысячи восемьсот, и берите полезные ископаемые. Они вам наверняка пригодятся. Берите и владейте. Еще двести долларов — и все ваше.

— Не могу я обладать всем. Есть вещи, которые мне не по карману. Как насчет двух тысяч шестисот пятидесяти без прав на полезные ископаемые и клады?

Закрутилось дело. Я чувствовал это.

— Вот мое последнее слово, — сказал я. — Я не могу тратить целый день. Предлагаю две тысячи семьсот пятьдесят, и ни центом меньше. За это я отдаю вам Землю и право ловить рыбу на Луне. Или право отыскивать клады. Выбирайте что хотите.

— Ладно, — сказал он. — Вас не переспоришь — согласен.

— Две тысячи семьсот пятьдесят за Землю и либо рыболовство на Луне, либо клады?

— Нет, ровно две тысячи семьсот, и никаких прав на Луне. Забудем о ней. Ровно две тысячи семьсот, и я получаю Землю.

— Идет! — воскликнул я, и мы ударили по рукам. — На том и столковались.

Потом я обнял его за плечо — стоило ли обращать внимание на грязь его одежды, когда парень принес мне две тысячи семьсот долларов? — и мы снова направились в аптеку.

— Мне нужна расписка, — напомнил он.

— Отлично, — ответил я. — Я напишу вам то же самое: я про-

даю все, чем владею или имею право продавать. Вы сделали удачную покупку.

— А вы неплохо заработали на своем товаре, — ответил он. Теперь он мне нравился. Дергающийся, грязный — какой угодно, он был свой человек.

Мы подошли к аптекарю заверить расписку, и, честное слово, я никогда не видал более негодующего человека.

— Хороший бизнес, а? — сказал он. — Не слишком ли вы гордитесь?

— Слушайте, вы, — ответил я. — Вы заверяйте, и все. — Я показал расписку Эксару. — Так годится?

Он кашлял и изучал расписку.

— Все, чем вы владеете или имеете право продавать. Прекрасно. И, знаете что, напишите о вашей правоспособности как торгового агента, вашей профессиональной правоспособности.

Я внес изменения и расписался. Аптекарь заверил расписку.

Эксар вытащил из кармана брюк пачку денег. Он отсчитал пятьдесят четыре хрустящие, новенькие пятидесятидолларовые купюры и положил их на стеклянный прилавок. Затем взял расписку, сложил ее и спрятал. И направился к двери.

Я схватил деньги и бросился за ним.

— Может быть, еще что-нибудь?

— Ничего, — ответил он. — Все. Дело сделано.

— Я понимаю, но мы можем найти еще что-нибудь, какой-то другой товар.

— Больше искать нечего. Дело сделано.

По его голосу я понял, что дела закончены.

Я остановился и посмотрел, как он толкнул вращающуюся дверь. Он вышел на улицу, свернул налево и пошел так быстро, будто чертовски спешил.

Дела закончены. О'кэй. В моем бумажнике лежали три тысячи двести пятьдесят долларов, которые я сделал в одно утро.

Но верно ли я действовал? Было ли это действительно высшей суммой, назначенной в представлении? И как близко я к ней подобрался?

Один из моих знакомых — Морис Барлап — мог помочь мне разобраться в этом деле.

Морис, как и я, занимался бизнесом, но бизнесом своего рода — был театральным агентом и дело знал как свои пять пальцев. Вместо того чтобы сбывать медный лом или, скажем, устраивать кому-то участок земли в Бруклине, он торговал талантами. Он продавал труппу актеров в горный отель, пианиста в бар, конференсье для театрального обозрения, комика в ночную радиопрограмму.

Я позвонил ему из телефонной будки возле выхода и спросил о телевикторине.

— Вот что я хочу узнать...

— Нечего узнавать, — отрезал он. — Никакой викторины нет, Берни.

— Да есть она, черт возьми, Морис. Ты просто не слышал.

— Такого представления нет. Не готовится и не репетируется — нет ничего такого. Подумай сам — до начала передачи тратится уйма денег: нужен сценарий, нужно время на телевиде-

нии. А до покупки времени режиссер готовит рекламу. И когда мне звонят насчет исполнителей, я уже слышан о представлении из ста источников. Я знаю, что говорю, Берни, и раз я сказал, что такого представления нет, значит его нет.

Он был чертовски уверен в себе. Безумная мысль неожиданно промелькнула в моем мозгу. Нет. Не может быть. Нет.

— Значит, это, как и говорил Рикардо, газета или университетское исследование?

Он задумался. А я должен был сидеть в этой душной телефонной будке и ждать — Морис Барлап имел голову на плечах.

— Эти чертовы документы, эти расписки — газеты и университеты так не работают. И на удачу это непохоже. Я думаю, тебя провели, Берни, не знаю, на чем и как, но провели.

Этих слов было достаточно для меня. Морис Барлап чует обман сквозь шестнадцатифутовую изоляцию из силикатной шерсти. Он не ошибается. Никогда.

Я повесил трубку и задумался. Безумная мысль вновь вернулась ко мне и бомбой разорвалась в моем мозгу.

Шайка космических пришельцев решила захватить Землю. Может быть, они собираются устроить здесь колонию, а может, курорт, черт их знает. У них свои дела. Они достаточно сильны и высокоразвиты, чтобы захватить Землю силой. Но они не хотят делать это незаконно, им нужно юридическое обоснование.

Так вот. Может быть, этим бандитам только и надо, что получить от одного полноправного представителя рода человеческого клочок бумаги на передачу им Земли? Нет, неправда. Любой клочок бумаги. Подписанный любым американцем.

Я опустил монету в автомат и набрал номер Рикардо. Его не было в колледже. Я объяснил телефонистке, что у меня очень важное дело, и она ответила: хорошо, я постараюсь отыскать его.

Все это турысы на колесах, думал я, Мост Золотых Ворот, Азовское море — все это такие же уловки, как продажа двадцатки за пятерку. В действиях бизнесмена есть одна верная примета — раз он прекращает все переговоры, закрывает лавочку и уходит, значит он получил что хотел.

Эксар хотел получить Землю. А все эти дополнительные права на Луне — чистейший вздор! Они выдумали этот трюк, чтобы сбить меня с панталыку и побольше выторговать.

Да, облапошил меня Эксар. Он словно специально изучил, как я работаю. Словно ему надо было купить именно у меня.

Но почему у меня?

И что означал этот бред на расписках о моей доле, моей правопособности, что, черт возьми, это означало? Я не владею Землей, я не занимаюсь куплей-продажей планет. Вы должны владеть планетой, прежде чем продавать ее. Это закон.

Но что я продал Эксару? У меня нет никакой недвижимости. Может быть, они собираются забрать мою контору, заявить права на часть тротуара, по которой я хожу, или наложить арест на стул в кафе, где я пью кофе?

Это вернуло меня к исходному вопросу: кто «они»? Кто, черт возьми, были «они»?

Телефонистка дозволилась наконец до Рикардо. Он был недоволен:

— У меня факультетское собрание, Берни. Я позвоню тебе позже.

— Подождите секунду, — умолял я. — Я влип и не знаю, удастся мне выпутаться или нет. Мне очень нужен совет.

Я говорил без передышки — в трубке слышались голоса каких-то крупных боссов, а я без умолку рассказывал о происшедшем со мной после нашего утреннего разговора. Как выглядел

Эксар, какой от него шел запах, какой забавный цветной телевизор он смотрел, как он отказался от прав на Луне и ушел, удостоверившись, что купил Землю. Что сказал по этому поводу Морис Барлап и какие у меня самого подозрения — все сказал.

— Только одна вещь, — я усмехнулся, чтобы показать, что не принимаю эту историю всерьез. — Кто я такой, чтобы заключать такие сделки, а?

Казалось, он все тщательно обдумал.

— Не знаю, Берни, возможно ли это. Надо рассмотреть все «за» и «против». Пожалуй, это связано с ООН.

— Связано с ООН? Какое отношение имеет ООН к данной ситуации?

— Самое прямое. Вспомни исследование, которое мы совместно проводили в ООН два года назад.

Он говорил намеками, чтобы стоявшие рядом коллеги не могли понять его. Но я понял.

Я понял!

Эксар, должно быть, разисхал, что Рикардо дал мне подработать на сбыте списанного оборудования и конторской мебели из нью-йоркского здания ООН. Мне даже выдали официальный документ. И в какой-нибудь картотеке до сих пор хранится бланк ООН, где написано, что я являюсь их официальным представителем по сбыту неликвидов, списанного оборудования и конторской мебели.

Куда уж документ похлестче!

— Вы думаете, эта бумага действительна? — спросил я Рикардо. — Допустим, что Земля — это списанное оборудование. Но при чем тут неликвиды?

— Международные законы — штука запутанная, Берни. А здесь все может оказаться куда сложнее. Надо собраться с мыслями и что-то придумать.

— Но что? Что я должен делать, Рикардо?

— Берни! — сердито закричал он. — Я же сказал тебе, что у меня факультетское собрание, черт подери! Факультетское собрание! — И он повесил трубку. Я выскочил как дикий из аптеки, схватил такси и понесся к гостинице, где жил Эксар.

Чего я так испугался? Не знаю, но меня чуть удар не хватил. Все это было слишком уж необычно для такого маленького человека, как я, и в этой необычности было что-то опасное. В результате я мог стать величайшим идиотом в истории. Никто не заключит со мной ни одной сделки. У меня появилось такое чувство, будто кто-то попросил меня продать фотографию и я ответил: «Конечно». А оказалось, что это фотография одной из сверхсекретных атомных ракет. Будто я случайно продал свою страну. Только на самом деле все было еще хуже: я продал этот чертов мир! Я должен выкупить его, должен!

Когда я вбежал в комнату Эксара, я увидел, что он уже собирается. Он укладывал свой забавный транзисторный телевизор в дешевый кожаный саквояж. Я не закрыл за собой дверь, чтобы в комнате было светло.

— Дело сделано, — сказал он. — Все кончено. Больше дел не будет.

Я встал на его пути.

— Эксар, — сказал я, — послушайте, что я вам скажу. Вы не человек. Как я, например.

— Я, любезный, побольше человек, чем вы.

— Возможно, но не с Земли — вот в чем дело. Зачем вам Земля?

— Мне не нужна она. Я агент. Я представляю некое лицо.

Так вот оно, напрямик, ты прав, Морис Барлап! Я уставился в его рыбы глаза, которые словно впились в меня. Но я не уступил.

— Вы чей-то агент, — медленно произнес я. — Чей? И зачем кому-то понадобилась Земля?

— Это не мое дело. Я агент. Я только покупаю для них.

— Вы получаете комиссионные?

— Ну не за здорово же живешь я работаю!

Да, уж ты работаешь не за здорово живешь, подумал я. Все эти кашли, да тики, да подергивания. Я понял, отчего они. Он не привык к нашему климату. Так, окажись я в Канаде, я непременно бы слег от приступов какой-нибудь болезни из-за другой воды или еще чего-нибудь.

А грязь на его лице была какой-то мазью от загара! Против солнца. Все одно к одному — окна зашторены, лицо запачкано, грязь на одежде та же, что и на лице.

Эксар не был попрошайкой. Что угодно, только не это.

«Думай живо, Берни, — говорил я себе. — Этот парень здорово охмурил тебя!»

— Сколько вы зарабатываете — десять процентов? — Нет ответа — он склонился ко мне, часто задышал и задержался. — Я заплачу больше, Эксар. Знаете, сколько я дам вам? Пятнадцать процентов! Мне больно смотреть, как человек носится взад и вперед из-за паршивых десяти процентов.

— А как же этика? — грубо прервал он меня. — Ведь у меня клинт.

— Вы только подумайте, он заговорил об этике! А покупать всю эту проклятую Землю за две тысячи семьсот долларов! Это вы называете этикой?

Теперь он озлобился. Он поставил саквояж на пол и ударил кулаком по ладони.

— Нет, это я называю бизнесом. Сделка — я предлагаю, ты соглашаешься. Ты уходишь счастливый, ты преуспел. И вдруг ни с того ни с сего ты прибегаешь назад, распускаешь нюши и заявляешь, что не хотел продавать так много за гроши. Что за дела! У меня своя этика: я не подведу клиента из-за какого-то слюнтая.

— Я не слюнтая! Я просто мелкая сошка и еле свожу концы с концами. Что я против воротилы из другого мира, владеющего всеми хитростями и уловками!

— Владей всеми хитростями и уловками, ты что, не воспользовался бы ими?

— Но не так. Не смейтесь, Эксар, это правда. Я бы не стал обманывать калеку. Я бы не стал обманывать простака из жалкой конторы, чтобы выманить у него планету.

— Но ты продал, — сказал он. — Эта расписка действительно где угодно. А техники, чтобы подкрепить ее силу, у нас хватит. Как только мой клиент вступит в права, человеческой расе ко-

нед, капут ей наступит, забудьте о ней. А козлом отпущения будешь ты.

В номере стояла жара, и я вспотел, как мыш. Но у меня отлегло от сердца. Эксар все-таки пошел на переговоры. Я усмехнулся.

Его лицо слегка порозовело под грязью.

— Что ты предлагаешь? — спросил он. — Назови цифру.

— Называйте вы. Вы продаете, я покупаю.

— Хм, — нетерпеливо хмыкнул он и оттолкнул меня. Он оказался крепким парнем! Я побежал за ним к лифту.

— Сколько вы хотите, Эксар? — спросил я, когда мы спускались.

Он пожал плечами.

— У меня есть планета и покупатель на нее. Влип ты, сам и выпутывайся.

Вот сволочь! На все у него готов ответ.

Он сдал ключи, и мы вышли на улицу. Мы шли по Бродвею, и я предложил ему три тысячи двести пятьдесят долларов, которые получил с него, а он ответил, что не прокормится, получая и отдавая одну и ту же сумму.

— Три тысячи четыреста, — предложил я. — То есть, я хочу сказать, три тысячи четыреста пятьдесят. — Он даже не повернулся.

Если бы я не называл какие-то цифры, совершенно любые, я бы умер.

Я забежал вперед него.

— Эксар, хватит натягивать друг другу нос, у меня он и так большой. Называйте сумму. Сколько бы ни было, я заплачу.

Это подействовало:

— Точно? И не обманешь?

— Как я могу обмануть? У меня нет выхода.

— Тогда о'кэй. Я помогу тебе вывернуться и сберегу силы, не поехав к своему далекому клиенту. Но как сделать, чтобы всем бы о хорошо — и тебя не обидеть, и самому внакладе не остаться? Пусть будет ровно восемь тысяч.

Восемь тысяч — это почти все, что лежало у меня в банке. Он точно знал, сколько у меня денег на счете — до последнего вклада.

И мысли мои он тоже знал.

— Если ты решил иметь дело с кем-нибудь, — говорил он между приступами кашля, — то о таком человеке стоит навести справки. У тебя есть восемь тысяч с мелочью. Это не так уж много для спасения собственной шеи.

Я вскипел:

— Не так много? Ну так я поговорю с тобой по-другому, филантроп несчастный, благодетель проклятый! Черта лысого я уступлю! Разве что чуть-чуть. Но ни единого цента из банка ни за вас, ни за Землю, ни за кого другого я не отдам!

Полисмен подошел поближе посмотреть, чего я разорался, и мне пришлось поутихнуть немного, пока он не отошел.

«Помогите! Полиция! Пришельцы посягают на нас!» — едва не завопил я. Во что бы превратилась улица, где мы стояли тогда, не уговори я Эксара отказаться от расписки!

— Предположим, Эксар, что ваш клиент захватит Землю, раз-

махивая моей распиской, — меня вздернут на первом суку. Но у меня одна жизнь, и эта жизнь — купля-продажа. Я не могу покупать и продавать без капитала. Отними мой капитал, и мне все равно, кто владеет Землей, а кто нет.

— Кого ты, черт побери, надуваешь? — спросил он.

— Я никого не надуваю. Честное слово, это правда. Отними-те мой капитал, и мне все равно, жив я или мертв.

Эта последняя капля вранья, кажется, переполнила чашу. Поверьте, когда я выводил эти трели, самые натуральные слезы навернулись на моих глазах. Сколько мне надо, хотел бы он знать, — пятьсот долларов? Я ответил, что не проработаю и дня

без суммы, в семь раз большей. Он поинтересовался, действительно ли я собираюсь выкупать эту проклятую планету или у меня сегодня день рождения и я жду от него подарка?

— Не нужны мне ваши подарки, — сказал я. — Подарите их ожирелым. Им стоит посидеть на диете.

Так мы и шли. Оба спорили до хрипоты, клялись чем угодно, препирались и торговались, расходились и возвращались. Было совершенно непонятно, кто же все-таки уступит первым.

Но никто не уступал. Мы оба держались, пока не пришли к сумме, на которую я и рассчитывал, пожалуй, впрочем, чуть большей, но на ней и порешили.

Шесть тысяч сто пятьдесят долларов.

Эксар заплатил мне много меньше. Но больше выторговать я не мог. Знаете, слава богу, что так обошлось.

И все-таки мы чуть не разошлись, когда речь зашла о расчёте.

— Твой банк неподалеку. Мы успеем до закрытия.

— К чему берeditь мне душу? Мой чек — то же золото.

В конце концов я уговорил его взять чек. Я дал ему чек, а он протянул мне расписки, все до одной. Все подписанные мной расписки. Затем он взял свой маленький саквояж и зашагал прочь.

Он пошел вниз по Бродвею, даже не попрощавшись со мной. Для Эксара существовал один бизнес, и ничего больше. Он даже не обернулся.

Один бизнес. На следующее утро я узнал, что он пошел в банк до закрытия и удостоверился в моей платежеспособности. Как вам это нравится? У меня все валилось из рук: я лишился шести тысяч ста пятидесяти долларов. И все за небольшой разговор.

Рикардо прозвал меня Фаустом. Я вышел из банка, колотя себя кулаком по голове, и позвонил ему и Морису Барлапу, чтобы пригласить их на ленч. Мы зашли в дорогой ресторан, выбранный Рикардо, и там я все рассказал им.

— Ты Фауст, — сказал он.

— Что Фауст? — спросил я. — Кто Фауст? Какой Фауст?

Естественно, ему пришлось рассказать о Фаусте. Только я новый тип Фауста — американский Фауст двадцатого века. До меня Фаусты хотели все знать, а я хотел всем владеть.

— Но я не получил ничего, — подчеркнул я. — Меня надули. Меня надули на шесть тысяч сто пятьдесят долларов.

Рикардо рассмеялся и откинулся на спинку кресла.

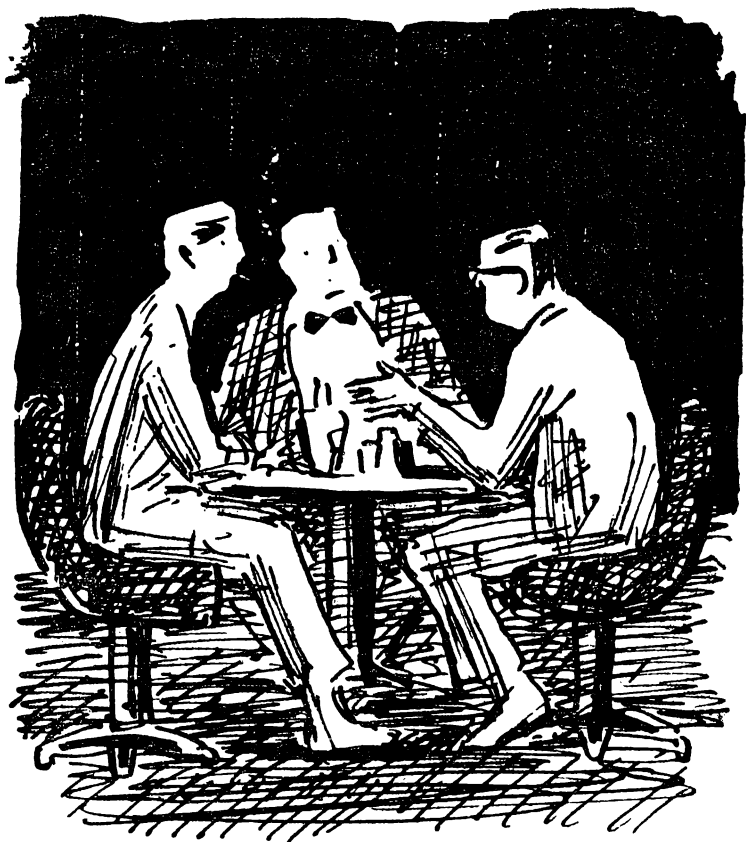
— «Люди гибнут за металл», — пробормотал он. — «Люди гибнут за металл».

— Что?

— Цитата, Берни. Из «Трагической истории доктора Фауста» Марло. Я забыл контекст, но, по-моему, цитата подходящая. «Люди гибнут за металл».

Я перевел взгляд на Мориса Барлапа, но никто не может сказать, что у него на уме. Одетый в дорогой твидовый костюм, он смотрел на меня таким глубоким и задумчивым взглядом, что правда походил в этот момент на профессора куда больше, чем Рикардо. Рикардо, знаете, слишком уж влощенный.

А их уму и находчивости мог позавидовать любой. Потому-то,

несмотря на цены, я повел их в тот ресторан. Хотя Эскар почти разорил меня.

— Морис, скажи правду: ты понял его?

— А что тут понимать, Берни? Цитату о гибели за золото? Возможно, это и есть ответ, а?

Теперь я посмотрел на Рикардо. Он прикачивал итальянский пудинг со сливками. Этот пудинг стоил здесь ровно два доллара.

— Допустим, он пришелец, — сказал Морис Барлап. — Допустим, он явился откуда-то из космоса. О'кей. Спрашивается, на что пришельцу американские доллары? Интересно, кстати, какой у них курс?

— Ты хочешь сказать, что ему надо было сделать закупки здесь, на Земле?

— Совершенно точно. Но какие закупки, вот в чем вопрос. Что ему понадобилось покупать на Земле?

Рикардо закончил пудинг и вытер губы салфеткой.

— Я думаю, вы на верном пути, Морис, — сказал он, и мое внимание вновь обратилось к нему. — Мы можем постулировать, что их цивилизация продвинулась значительно вперед по сравнению с нашей. Они предполагают, что нам еще рано знать о них. Они выделили примитивную, маленькую Землю в своеобразную резервацию, куда воспрещен вход, и только преступники осмеливаются нарушать это запрещение.

— Откуда же при таком высоком развитии берутся преступники, Рикардо?

— Законы порождают преступников, Берни, как курицы яйца. Цивилизация бессильна против них. Теперь я начинаю понимать, что за птица этот Эксар. Беспринципный авантюрист, космический вариант головорезов, бороздивших южные моря сотни лет назад. Представим себе, что пассажирский пароход врзается в коралловые рифы и какой-нибудь вонючий оппортунист из Бостона выбирается на берег и начинает жить среди примитивных, неразвитых дикарей. Вы, я надеюсь, понимаете, что произойдет дальше?

Морис Барлап заявил, что не прочь выпить еще бренди. Я заказал. И он, как обычно, едва улыбаясь, доверительно наклонился ко мне:

— Рикардо прав, Берни. Поставь себя на место своего покупателя. Он терпит аварию на грязной маленькой планете, где по закону и близко появляться нельзя. Он может подлататься местным барахлом, но за все надо рассчитываться. Малейший шум, малейшее недоразумение, и его застучает космическая полиция. Что бы ты делал на его месте?

Теперь я понял.

— Я бы менял и выторговывал. Медные браслеты, бусы, доллары — все, что было бы под рукой и на что можно получить их товары. Я бы менял и выторговывал, проворачивая сделку за сделкой. Даже какую-нибудь муру с корабля снял, а потом нашел бы новый товар, представляющий для них ценность. Но все это земные представления о бизнесе, человеческие представления.

— Берни, — сказал мне Рикардо. — Было время, когда точно на том месте, где сейчас находится фондовая биржа, индейцы меняли бобровый мех на блестящие гильзы. Какой-то бизнес есть и в мире Эксара, я уверен в этом, и по сравнению с ним методы наших крупнейших концернов выглядят детской игрой.

— Да, вот она, правда-то. Выходит, я был обречен с самого начала. Охмурил меня этот проходимец-супермен. Увидел, что шляпа, вот и взял на арапа.

Рикардо кивнул.

— Мефистофель бизнесменов, спасающийся от грома небесного. Ему нужны были деньги, чтобы починить свой рыдван. Вот он и проделал самую фантастическую махинацию за всю историю коммерции.

— Из слов Рикардо, — донесся до меня голос Мориса Барлапа, — следует, что этот парень, который так круто обошелся с тобой, стоит на пять голов выше тебя.

Мои плечи опустились, словно сбежали по рукам вниз.

— Какая разница, — сказал я. — Тебе может наступить на ногу лошадь, а может наступить на ногу слон. Но кто-то непременно отдавит тебе ногу.

Я оплатил счет, собрался с духом и вышел.

Я пытался понять, так ли все было на самом деле. Они оба наслаждались, глядя на меня как на межпланетное ничтожество. Конечно, Рикардо гений, а Барлап хитер как черт. Но что из этого? Идеи есть. А фактов-то нет.

Но вот и факт.

В конце месяца в мою контору пришел чек, который я выписал Эксару. Он индоссирован крупным магазином в районе Кортленд-стрит. Я знал этот магазин. Я отправился туда разузнать о нем.

Они торгуют электронной некондицией. У них и покупал Эксар. Большую партию транзисторов и трансформаторов, сопротивлений и печатные платы, электронных трубок, проволоки, инструментов и т. д. Все вперемешку, сказали они, миллион деталей, которые невозможно соединить вместе. Они решили, что у Эксара какая-то непредвиденная работа, и он брал все, что могло понадобиться. Он выложил кучу денег за доставку — товар отправлялся в какую-то глухомань в Северной Канаде.

Вот он, факт. Я должен признать его. А вот еще один.

Как я уже сказал, у меня были дела с этим магазином. Их цены самые низкие в округе. А почему, вы думаете, они продают так дешево? Ответ один: потому что они дешево покупают. Они покупают по бросовым ценам, на качество им плевать: единственное, что их интересует, — это прибыль. Я сам сбыл им горы электронного лома, который мне бы в жизни нигде не сплавить, бракованный хлам, разобранный хлам, даже почти опасный хлам — туда продают, когда, затоварившись еще большим хламом, теряют всякую надежду заработать.

Представляете картину? Я краснею, вспоминая об этом.

Я вижу, как где-то в космосе летит Эксар. Он залатал свою посудину, все готово, и Эксар на пути к новым великим свершениям. Моторы жужжат, корабль несется вперед, а он сидит в нем с радостной улыбкой на грязной роже: он вспоминает, как ловко он обвел меня вокруг пальца.

Он смеется до колик.

И вдруг раздается пронзительный визг, и тянет гарью. В цепи управления главного двигателя провода замкнулись сквозь протертую изоляцию, корабль теряет управление, и целый ад срывается на Эксара. Он сдрейфил. Он включает вспомогательные двигатели. Вспомогательные двигатели не работают — и знаете почему? В вакуумные трубки — вот оно, возмездие! — не поступает электрический ток. Бац! Короткое замыкание в хвостовом двигателе. К р а х! В середине корабля расплавляется некондиционный трансформатор.

И вот на тебе, до Земли миллионы миль, беспредельный космос, запасных частей нет, инструменты валяются из рук, и кругом ни души — надуть некого.

А я здесь, в своей конторе, думаю о нем и живот от смеха надрываю. Потому что возможно и очень даже вероятно, что все неполадки с кораблем происходят из-за десятка бракован-

ных деталей и списанного электронного оборудования, которое я сам, Берни, по кличке Фауст, сплавления время от времени магазину уцененных товаров.

Больше я ни о чем не прошу. Только бы все так и вышло.

Фауст. Получит он у меня Фауста. Прямо в рожу. Фауст. Расшибешь себе за Фауста башку. Я тебе дам Фауста.

Одно плохо — не суждено мне узнать, так ли все вышло. Но одно я знаю точно — я единственный человек в истории, кто продал эту проклятую планету.

И снова выкупил ее!

Перевели с английского С. ЛЕВИЦКИЙ и А. ЧАПКОВСКИЙ

